

Г. С. ДЕМИН

**ОБРАЗЫ ОБЪЕКТОВ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СОЗРЕВАНИЕ ИХ
В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Считается, что искусство есть отображение, обобщение и оценка действительности. Однако не всегда действительность рассматривается со всех сторон, чаще это совокупность материальных предметов, имеющая мало общего с человеческой жиз-

нию. Можно много говорить о назначении искусства, о том, что искусство это не только воспроизведение жизни, но ее творческое преобразование для человека и ради человека и т. д. При этом исключается сама личность творца, он как бы идет приложением к социальной среде, являясь машиной для построения художественного образа, который востребован в обществе. Давать оценку тому, как же должен развиваться и относиться к искусству творец, — в данной статье такая задача не ставится.

Мы для начала рассмотрим объекты воспринимаемые творцом (субъектом) как выделенные из среды внешние раздражители и осевшие в сознании преобразованным материалом для возможного построения в дальнейшем художественного образа. Сами объекты, адаптированные в сознании, могут очень долго находится в субъекте и не находить выхода к разрешению творческого замысла. Примером может послужить фрагмент из жизни одного художника. С детства в памяти этого художника закрепился внешний раздражитель: стакан горячего чая, холодный дом и свежее испеченные пирожки, которые издавали приятный запах, все это на фоне суеты в казенном доме. Художник долгое время не мог передать в своих картинах тот эмоциональный накал, который он всю жизнь испытывал, лишь только в зрелом возрасте он смог осознать, что искусство является формой отражения жизни, а не самой жизнью. Значит здесь нужно усматривать некую условность, которая принесет творцу свободу. Мы как бы заранее «договариваемся» со зрителем, в какую игру играем. Мы строим художественный образ по определенным правилам, законам, которые соответствуют эстетическому идеалу в обществе, но далеко не всегда объективируемые объекты становятся таковыми. Причина в том, что вся та грамота с ее правилами, законами в нужный момент должна оставаться в мышечной памяти рук, сопрягаясь с инструментами, используемыми творцом (субъектом). Разница между творцом и зрителем в том, что зритель хранит в своем сознании принятую условность и все игры, связанные с ней, а творец в своих инструментах — в том числе и мышечную память рук. Отсюда можно заметить, что найденные образы объектов и их художественное созревание могут продолжаться достаточно долго, пока эстетическая реальность не образует в себе необходимые пазы для воссоединения объективируе-

мых образов с действительностью общественной жизни. Так как общественная действительность не всегда имеет с историческим культурным наследием общие корни, созревание художественного образа происходит болезненно.

Часто в ограниченном количестве в эстетический идеал включаются образы в качестве «явления нового» для обновления в эстетике зрительного и духовного, при этом сами объекты еще не созрели как художественный образ. Примером могут служить некоторые работы в «примитиве», особенно в начале 1990-х гг., когда культура с трудом принимала подобные произведения в свои хранилища, а обществом это подавалось как проявление свободы и демократии. Но суть не в этом; в действительности это и есть тот самый случай, когда образы под давлением общественности, ее отдельных личностей созревали в изоляции от эстетического идеала. Благодаря подобным явлениям накапливается очень много образов, которые оторваны от эстетической реальности. Впрочем, есть исключения, когда художник, специально изолируясь, создает высокохудожественные формы.

Возникает спонтанно большое количество художественных салонов, уличных рынков, где основной задачей стояло не создавать новые формы, образы, а лишь использовать старое при низком качестве.

Они порождают некоторый хаос в искусстве, меняются культурные ценности, эстетические нормы, происходит цепная реакция одного большого целого социального пространства. В связи с этими изменениями, как следствие, остается целый пласт не востребованных творцов с их иррациональным мышлением и объективируемым рациональным пространством.

Информационные объемы быстро заполняются различного рода эмоциональными образами, где уже изначально отсутствует художественный образ, связанный с культурным наследием. Мы уже в принципе имеем здесь другой эстетический продукт: бесчисленные телевизионные сериалы, вместо монументального искусства — баннеры, музыкальные произведения выглядят как набор звукокомбинаций и т. д.

Творческий субъект нуждается в объективации своих вновь рожденных художественных образов. Они накапливаются в сознании узкого круга людей, а так как в широких кругах не

воспринимаются, переполняют ближайший информационный объем, что в итоге не влечет за собой восприятия данного художественного образа. Наверное, поэтому сегодня творческому субъекту трудно работать в онлайн. Креатив пришел на смену творчеству. Для того чтобы создать что-то «новое», создаются лишь способы и методы для создания этого нового. Отсутствие изначально иррационального мышления в создании рационального художественного образа составляет разницу между креативом и творчеством. Многие творчески мыслящие художники прибывают сейчас в «даунлайне», где иллюзии и фантазии в ограниченном информационном пространстве позволяют творцу сохранить себя для себя как личность.

Чистота экологического информационного пространства нужна сегодня так же, как и природная экология: одно вытекает из другого. Творческие поиски художественных образов уже не видны и не слышны. Вокруг информационное пространство заполнено шоу-представлениями, рекламами; качественные критерии оценки искусства чаще измеряются карьерным ростом субъекта, нежели качеством эстетического продукта. Наблюдается прямой выход в «даунлайн», о чем было сказано выше.

Но так как сущность человека состоит из совокупности общественных отношений, все, что происходит в культуре, обусловлено историческими факторами. Чаще сущность не исчерпывает явления, они всегда богаче сущности. И когда мы говорим о человеке, то именно богатство его проявлений имеет важное значение как для него самого, так и для общества. И здесь художник восстает против попытки поставить знак равенства между человеком и его местом в социуме. При знаке равенства художник-творец вынужден лгать, играть предписанную ему роль. Образы его могут быть очень многообразны и гламурны, при этом неоспоримо в них может присутствовать художественность. В таком случае художественный образ, если рассматривать с позиции нравственности и эстетики, будет ли правдив и точен... Нужна ли в этом случае правда, та самая правда, которая уже давно потеряла свое истинное значение в обществе? Скорее всего, нужна. Только в этой благодатной почве могут рождаться художественные образы, которые не всегда нравственны; воспитывающие человека. Отсюда и страсть в искусстве, стремление

любой ценой реализовать себя в отрыве от своего «эго», что делает произведения искусства бездуховными, но интересными и привлекательными.